

channeling aggression in yourself autoaggression. The authors took care the methods of dissemination of information on youth subcultures because the problem of social institutions and their not efficiency. It's possible prevented youth groups through the realization of their creative potential. The authors made accent in the need for a strategy of social adaptation of youth that will be implemented with social institutions - family, school and peer group..

Key words: aggression, subculture, individual.

УДК 159.922.1

И.В. ПАВЛОВ

ОБРАЗ ОТЦА И ИДЕНТИФИКАЦИЯ С НИМ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

В статье описаны результаты изучения образа реального отца и образа идеального отца в качестве объектов для идентификации у юношей и девушек из полных и неполных семей. Выявлено, что аффективные характеристики образа реального отца у юношей и девушек из разных типов семей отличаются. Показано, что в обоих типах семей образ идеального отца является более позитивным, чем образ реального отца, однако не за счет идеализации первого, а за счет более критичного восприятия юношами и девушками второго. Выявлено, что юноши и девушки из неполных и полных семей демонстрируют большую идентификацию с позитивным образом реального отца, чем с негативным или амбивалентным образом реального отца. При этом образ идеального отца может компенсировать негативный образ реального отца, выступая более важным объектом для идентификации.

Ключевые слова: образ отца, образ идеального отца, образ Я, идентификация.

Постановка проблемы. Проблема роли отца в развитии личности ребенка с точки зрения социальной перцепции является недостаточно изученной. При этом ряд исследователей [1–3, 6–7] обращают внимание на то, что образ отца и образ идеального отца играют немаловажную роль в личностном развитии как в детских возрастах, так и во взрослости. Образ отца и образ идеального отца в литературе рассматриваются в качестве «прообразов» идеального мужчины у девушек и образа самого себя у юношей. Существует мнение, что присущие отцу качества бессознательно переносятся на образ идеального мужчины – данный феномен в литературе получил название «сексуальный импринтинг» [3]. Поэтому девушки в основном выбирают партнеров, наиболее соответствующих образу идеального мужчины, который, в свою очередь, формируется у них в результате взаимоотношений с собственными отцами. Так, например, в исследовании Е.М. Пудловской [7] была выявлена корреляция между образом отца и образом идеального мужчины у девочек 13–14 лет и у девушек в возрасте 20–21 года. Автор исследования делает вывод о том, что оценка реального отца оказывает влияние на присутствующий в сознании девушек идеальный образ мужчины. При этом образ отца является важной характеристикой, позволяющей проводить межличностную категоризацию представителей мужского пола, является своеобразной призмой, сквозь которую происходит оценка качеств реальных мужчин. Девушки в основном ищут мужчин, наиболее полно соответствующих образу идеального партнера, который у них формируется на бессознательном уровне, то есть, полагает автор, они неосознанно осуществляют выбор того или иного мужчины. В.А. Мусаткина [3] также считает, что отец для дочерей является первым объектом противоположного пола и фиксируется в идеальной модели мужчины, формируя представление о мужчинах в целом, влияя на последующие отношения дочери с противоположным полом. В исследовании О.А. Беловой и О.В. Цесаренко [1] показано, что у девушек подросткового возраста идеальный образ партнера обладает большим числом качеств, присущих отцу, у них образ отца и образ идеального партнера сильнее взаимосвязаны, чем у мальчиков-сверстников.

Не все исследователи при этом учитывают внутрисемейный контекст взаимоотношений между детьми и родителями, тип семьи и ряд других переменных, которые могут оказывать влияние на характер образа отца, образа идеального отца, образа идеального партнёра, а также опосредовать взаимосвязи между данными образами. Между тем в исследовании Э.Ф. Ким [2] было выявлено, что образ отца в сознании взрослых людей связан со стилем воспитания, присущим их родителям. Другими исследователями показано, что образы отца и идеального отца по ряду показателей не совпадают друг с другом; сделано предположение о том, что образ идеального родителя передает представления ребенка просто об идеальном человеке без дифференциации по полу и семейной роли. Результаты нашего исследования, опубликованные ранее [5] также показывают, что образы идеального и реального отца могут не совпадать между собой, при этом образы реального отца по ряду показателей различаются у юношей и девушек из полных и неполных семей.

Цель статьи – представить наиболее значимые результаты, полученные в ходе изучения образов реального и идеального отца в качестве объекта идентификации у юношей и девушек из полных и неполных семей. В качестве метода исследования был использован репертуарный тест личностных конструктов, разработанный Дж. Келли [8]. Методика проводилась индивидуально с использованием карточек и заполнением репертуарной решетки. Перечень персонажей, предлагавшийся испытуемым, был разработан в соответствии с требованиями, предъявляемыми к ролевым спискам, и включал 14 элементов, в том числе: «Я в настоящем», «Я в прошлом», «Я в будущем», «Папа», «Человек, похожий на идеального отца» и др. Относительно каждого конструкта, выбранного респондентом для оценки персонажей, мы спрашивали, какое из двух качеств, выступающих полюсами конструкта, является для него более предпочтительным, что позволило определить субъективную значимость и аффективную нагрузку каждого качества с точки зрения участника исследования. Качества (полюса конструкта), которые испытуемый выбирал как предпочитаемые, мы условно назвали привлекательными, противоположные качества – непривлекательными. Важным аспектом описываемого исследования является то, что мы изучали не абстрактный и/или собирательный образ идеального отца, а образ, в котором преломляется личность конкретного человека, по мнению испытуемого наиболее соответствующего данной роли. Испытуемым предлагалось выбрать на роль «Человека, похожего на идеального отца» человека, знакомого из опыта общения, который воплощает в себе их представления об идеальном отце. На наш взгляд, описанный подход к изучению образа идеального отца имеет ряд преимуществ. Образ идеального родителя, как и любого другого человека, успешно выполняющего определенную семейную или социальную роль, как правило, формируется в результате межличностных отношений и в совместной деятельности. Такой образ является результатом отражения конкретных людей, которые воплощают в своих личностных характеристиках, особенностях поведения и деятельности представления индивида об идеале. В нашем исследовании мы учли данную особенность, предложив испытуемым выбрать на роль идеального отца конкретного человека, иначе мы могли бы актуализировать у них абстрактный, нереалистичный или фантазийный образ идеального отца, не связанный с действительным кругом общения молодых людей. Нам важно было изучить именно реалистичный образ идеального отца и сопоставить его с образом биологического – реального отца. Полученные в ходе исследования первичные данные подвергались математико-статистической обработке с помощью следующих методов: сравнение средних значений, вычисление квантилей распределения, вычисление критериев U-Манна-Уитни для независимых выборок и T-Вилкоксона для зависимых выборок, критерия ϕ^* (угловое преобразование Фишера) и коэффициента взаимной сопряженности С-Пирсона. Выборку исследования составили 107 юношей и девушек в возрасте 16–18 лет: учащиеся гимназий, средних образовательных школ, I–II курса колледжа и I курса университета. Из них 56 юношей и девушек проживают в полных семьях, 51 юноша и девушки проживают в неполных семьях с матерями.

Сравнение образа идеального и образа реального отца. Нами были изучены такие характеристики образа реального отца и образа идеального отца как направленность и степень аффективной нагрузки. Направленность аффективной нагрузки оценивалась по соотношению привлекательных и непривлекательных качеств, приписанных испытуемому образу реального и образу идеального отца: преобладание привлекательных качеств послужило основанием для суждения о позитивной направленности образа реального и образа идеального отца, преобладание непривлекательных качеств – критерием негативной направленности. В ряде случаев соотношение первых и вторых качеств являлось примерно одинаковым, поэтому такой образ реального и идеального отца был нами оценен как амбивалентный. Степень аффективной нагрузки оценивалась исходя из количественной выраженности в образе тех или иных качеств, в результате чего были выделены две степени позитивности (выраженная позитивная и крайне позитивная) и две степени негативности (выраженная негативная и крайне негативная) образа реального и идеального отца. С помощью процедуры вычисления квантилей распределения была построена классификация образов реального и идеального отца по выделенным характеристикам, включающая четыре типа: крайне позитивный, позитивный, негативный и крайне негативный образы. Дополнительно был выделен такой тип образа отца как амбивалентный образ, который сочетает в себе примерно одинаковое число привлекательных и непривлекательных качеств, что затрудняет однозначное определение его направленности и степени аффективной нагрузки (таблица 1).

Таблица 1.

Классификация образом реального и идеального отца в зависимости от направленности и степени аффективной нагрузки

Направленность аффективной нагрузки образа	Степень аффективной нагрузки образа		
	Крайняя	Выраженная	Неопределенная
Позитивная	Крайне позитивный образ	Позитивный образ	Амбивалентный образ
Негативная	Крайне негативный образ	Негативный образ	

Выяснилось, что вне связи с типом семьи у всех участников исследования в образе идеального отца число привлекательных качеств значительно превышает число непривлекательных качеств ($p < 0,005$). Большинство испытуемых имеют позитивный (45,5% юношей и 56,3% девушек из полных семей; 59,1% юношей и 55,2% девушек из неполных семей) и крайне позитивный (36,3% юношей и 28,1% девушек из полных семей; 36,4% юношей и 27,6% девушек из неполных семей) образы идеального отца. Лишь в единичных случаях образ идеального отца у юношей и девушек представлен негативным или амбивалентным содержанием. Кроме того, юноши и девушки из обоих типов семей не отличаются друг от друга по характеру распределения различных типов образа идеального отца. Это позволяет говорить о том, что образ идеального отца такими характеристиками, как направленность и степень аффективной нагрузки не связан с типом семьи и половой принадлежностью в раннем юношеском возрасте.

Что касается образа реального отца, то в его содержании число привлекательных качеств достоверно превышает число непривлекательных качеств у всех испытуемых из полных семей ($p < 0,005$ для юношей и $p = 0,05$ для девушек), а также у юношей из неполных семей ($p < 0,05$). Отличной от других является группа девушек из неполных семей, у которых в образе реального отца число непривлекательных качеств достоверно превышает число привлекательных качеств ($p < 0,05$). В данной группе девушек образ реального отца чаще бывает негативным, и реже позитивным, чем в группе девушек из полных семей и в группе юношей из обоих типов семей. Юноши из полных и неполных семей статистически значимо не отличаются друг от друга по направленности и степени аффективной нагрузки образа

реального отца, тип семьи и тип образа реального отца у данной категории испытуемых не связаны друг с другом. Только у девушек выявлена умеренная корреляция между типом семьи и типом образа реального отца (коэффициент сопряженности Пирсона равен 0,340 при $p < 0,05$).

Сопоставление образа реального отца и образа идеального отца по направленности и степени аффективной нагрузки показывает, что у всех испытуемых образ идеального отца чаще бывает позитивным и реже негативным по сравнению с образом реального отца ($p < 0,05$), что вполне объяснимо. Однако более детальный сравнительный анализ позволил выявить некоторые особенности, касающиеся различий между двумя образами. Выяснилось, что у всех испытуемых, за исключением девушек из неполных семей, образ реального отца отличается от образа идеального отца только числом непривлекательных качеств ($p < 0,005$), в то время как по числу привлекательных качеств образы не имеют значимых различий ($p > 0,05$). То есть юноши и девушки приписывают человеку, воплощающему их представления об идеальном отце, и своему реальному отцу одинаковое число привлекательных качеств, но при этом реальному отцу приписывается больше непривлекательных качеств. И только у девушек из неполных семей образ идеального отца на уровне статистической тенденции содержит больше привлекательных качеств, чем образ реального отца ($p = 0,07$ по критерию U-Манна-Уитни). Мы можем предположить, что образ идеального отца не только или не столько подвергается идеализации юношами и девушками за счет приписывания ему большего числа привлекательных качеств, сколько образ реального отца оценивается более критично, в его содержании привлекательные качества (которых не меньше, чем в образе идеального отца) «разбавляются» непривлекательными качествами. И только девушки из неполных семей склонны приписывать идеальным отцам действительно больше привлекательных качеств, чем реальным отцам.

Особенности идентификации с образами реального и идеального отца у юношей и девушек из полных и неполных семей. Идентификация с реальным и идеальным отцом оценивалась по показателю субъективного сходства между каждым из названных образов и образом «Я» испытуемого, представленного тремя временными модальностями («Я в прошлом», «Я в настоящем» и «Я в будущем»). Рассмотрение образа «Я» во временной перспективе позволило изучить не только идентификацию испытуемого в настоящий момент времени с реальным и идеальным отцом, но и ее субъективную динамику. Было выявлено, что все испытуемые, вне связи с типом семьи и половой принадлежностью, демонстрируют увеличение идентификации с образом идеального отца от субъективного прошлого к будущему. Причем наибольший и статистически достоверный сдвиг в значениях идентификации с образом идеального отца наблюдается от субъективного прошлого к настоящему ($p < 0,005$), а затем – от настоящего к будущему значение идентификации остается практически одинаковым. Лишь у девушек из полных семей идентификация с образом идеального отца статистически достоверно снижается от настоящего к будущему ($p < 0,05$). То есть испытуемые из данной подгруппы склонны в субъективном будущем видеть меньшее сходство между собой и человеком, похожим на идеального отца, чем в субъективном настоящем.

Для анализа идентификации с реальным отцом юноши и девушки из обоих типов семей были разделены на несколько подгрупп в зависимости от направленности и степени аффективной нагрузки отцовского образа.

Подгруппа 1: юноши и девушки, имеющие крайне позитивный или позитивный образ реального отца. Молодые люди из этой подгруппы вне связи с типом семьи отмечают большее сходство между собой и реальными отцами в субъективном настоящем и в будущем по сравнению с субъективным прошлым. Причем юноши из полных и неполных семей демонстрируют увеличение идентификации с отцами от субъективного настоящего к будущему, в то время как в выборке девушек ее значение достигает своего максимума в субъективном настоящем, а затем остается неизменным у девушек из полных семей и немного снижается у девушек из неполных семей ($p < 0,01$). В целом юноши из обоих типов семей

имеют более высокие показатели идентификации с реальными отцами, чем девушки. Различия, обусловленные половой принадлежностью испытуемых, могут быть объяснены тем, что для юношей мужская фигура является более значимой при формировании представлений о себе, на которую они равняются в настоящем и хотят походить в будущем. Девушки, скорее всего, представляя себя в будущем, в большей степени ориентируются на женскую, нежели на мужскую фигуру. В структуре идентификации юношей и девушек из полных и неполных семей привлекательные качества значимо преобладают над непривлекательными качествами ($p \leq 0,005$). То есть все они склонны отмечать большее сходство между собой и своими отцами по привлекательным качествам, чем по непривлекательным.

Подгруппа 2: юноши и девушки, имеющие крайне негативный или негативный образ реального отца. Для представителей данной подгруппы характерны очень низкие значения идентификации со своими отцами. Динамика идентификации от субъективного прошлого к будущему отсутствует. Различий между юношами и девушками из полных семей, между юношами и девушками из неполных семей по степени идентификации с реальными отцами в субъективном прошлом, настоящем и в будущем не выявлено. В структуре идентификации у всех юношей и девушек содержится примерно одинаковое число привлекательных и непривлекательных качеств, по которым они оценивают себя похожими на отцов (в среднем 1–2 качества). Сравнение испытуемых данной подгруппы с испытуемыми предыдущей подгруппы показывает, что юноши и девушки, имеющие крайне позитивный и позитивный образ реального отца, демонстрируют более высокую идентификацию с ним в субъективном настоящем и в будущем, чем сверстники, имеющие крайне негативный и негативный отцовский образ ($p < 0,005$).

Подгруппа 3: юноши и девушки, имеющие амбивалентный образ реального отца. Как и испытуемые предыдущей подгруппы, юноши и девушки, у которых отцовский образ является амбивалентным, отмечают примерно одинаковое сходство между собой и своими отцами в субъективном прошлом, настоящем и в будущем, динамика идентификации с отцами отсутствует. Юноши и девушки из обоих типов семей по числу качеств, приписанных одновременно себе и отцу, не отличаются. В структуре идентификации число привлекательных качеств, приписанных одновременно отцу и себе в прошлом, настоящем и в будущем, у всех испытуемых данной подгруппы превышает число непривлекательных качеств. То есть юноши и девушки, имеющие амбивалентный образ отца, оценивают сходство с ним чаще по привлекательным качествам и реже по непривлекательным. Однако разница между первыми и вторыми качествами в структуре идентификации с отцом не всегда является статистически значимой.

Если сопоставить данную подгруппу испытуемых с двумя предыдущими, можно увидеть, что испытуемые с амбивалентным образом реального отца по степени идентификации с отцами в субъективном настоящем и в будущем занимают промежуточное положение между юношами и девушками, имеющими крайне позитивный и позитивный образ реального отца, и юношами и девушками, имеющими крайне негативный и негативный образ реального отца. То есть они в меньшей степени идентифицируются с отцом по сравнению с первыми, и в большей степени идентифицируются с отцом по сравнению со вторыми. Поэтому мы полагаем, что юноши и девушки, имеющие амбивалентный образ реального отца, образуют отдельную группу молодых людей, которых нельзя однозначно охарактеризовать как более или менее идентифицирующихся с отцами по сравнению со сверстниками, имеющими позитивный и крайне позитивный или негативный и крайне негативный образ реального отца.

Сравнение идентификации с образами реального и идеального отца у юношей и девушек из полных и неполных семей. Мы сравнили идентификацию юношей и девушек с реальным отцом и идентификацию с идеальным отцом. В полных семьях существенные различия между идентификацией с образом реального отца и идентификацией с образом идеального отца отсутствуют как у испытуемых, имеющих негативный и крайне негативный отцовский образ, так и у испытуемых, имеющих амбивалентный, позитивный и крайне

позитивный отцовские образы. В целом, эти юноши и девушки в одинаковой степени идентифицируются с реальным отцом и идеальным отцом в субъективном прошлом, настоящем и в будущем. Среди испытуемых из неполных семей различия в идентификации с образами реального и идеального отца являются более выраженными именно у тех юношей и девушек, которые имеют негативный и крайне негативный отцовский образ. Юноши, имеющие такой образ реального отца, идентифицируются с ним в субъективном прошлом, настоящем и в будущем меньше, чем с образом идеального отца ($p < 0,05$). Юноши с амбивалентным образом реального отца на уровне тенденции идентифицируются с ним в меньшей степени, чем с образом идеального отца в субъективном настоящем ($p < 0,1$) и достоверно меньше в субъективном будущем ($p < 0,05$). При этом юноши, имеющие позитивный и крайне позитивный образ реального отца, видят между собой и ним в субъективном настоящем даже большее сходство, чем между собой и образом идеального отца ($p < 0,05$) и на уровне тенденции в субъективном будущем ($p < 0,1$). Девушки из неполных семей, имеющие негативный и крайне негативный образ реального отца, идентифицируются с ним в субъективном настоящем и будущем меньше, чем с образом идеального отца ($p < 0,01$). Девушки с амбивалентным образом реального отца в субъективном прошлом идентифицируются с ним в большей степени, чем с образом идеального отца ($p < 0,05$). И девушки с позитивным и крайне позитивным образом реального отца на уровне тенденции склонны видеть большее сходство между собой и ним, чем между собой и идеальным отцом в субъективном настоящем ($p < 0,1$).

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Описанное исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно изученных характеристик образа реального и идеального отца в качестве объектов для идентификации в раннем юношеском возрасте.

Образ реального отца по направленности и степени аффективной нагрузки связан с типом семьи (полная или неполная) только у девушек. Девушки из неполных семей чаще имеют негативный или крайне негативный образ реального отца. Возможно, они переносят на него негативные установки, заимствованные у матерей, либо обесценивают образ отсутствующего в семье отца. Для юношей, как из полных, так и из неполных семей, отец, вероятно, является более значимой фигурой, поэтому его образ чаще является позитивным или крайне позитивным, чем у девушек. Источники и механизмы формирования определенного типа образа реального отца у девушек и юношей из неполных семей нуждаются в дополнительном исследовании, которое может стать перспективным направлением в изучении данной проблематики.

Образ идеального отца по направленности и степени аффективной нагрузки не связан с типом семьи. Преобладающее большинство юношей и девушек из обоих типов семей имеют позитивный или крайне позитивный образы идеального отца. У юношей и девушек, имеющих негативный или крайне негативный образ реального отца, образ идеального отца все равно является позитивным или крайне позитивным. Скорее всего, на формирование образа идеального отца наличие в семье реального отца не оказывают влияние, или, по крайней мере, не оказывают решающее влияние. Образ идеального отца может сформироваться в процессе и в результате межличностных отношений юношей и девушек с другими значимыми людьми, которые могут представлять как семейный, так и внесемейный круг общения. Выявление источников и механизмов становления образа идеального отца в раннем юношеском возрасте также может стать перспективным направлением исследований межличностного познания в раннем юношеском возрасте.

Наибольшее расхождение по направленности и степени аффективной нагрузки между образом реального и образом идеального отца имеется у девушек из неполных семей. Они склонны приписывать своим отцам больше непривлекательных и меньше привлекательных качеств, чем людям, воплощающим их представления об идеальном отце. Остальные юноши и девушки не склонны более высоко оценивать идеальных отцов и чаще приписывать им привлекательные качества, чем реальным отцам, однако более критично относятся к оценке

последних, чаще приписывая им непривлекательные качества. Наибольшее расхождение между образами реального и идеального отца у них наблюдается по числу непривлекательных качеств, составляющих содержание образа.

Вне связи с типом семьи позитивный и крайне позитивный образы реального отца в субъективном настоящем и в будущем являются объектами для идентификации у юношей и девушек, а негативный и крайне негативный образы отца – скорее всего, являются объектами для обособления. Юноши и девушки, имеющие амбивалентный образ реального отца, демонстрируют парциальную идентификацию с ним, чаще описывая свое сходство по привлекательным качествам, и различия по непривлекательным качествам. Возможно, амбивалентный образ реального отца в силу одинаковой представленности в нем как привлекательных, так и непривлекательных для юношей и девушек качеств, препятствует более целостной идентификации.

Образ идеального отца выступает объектом для идентификации у юношей и девушек из обоих типов семей. При этом юноши и девушки из полных семей в одинаковой степени идентифицируются с реальным отцом и с идеальным отцом в субъективном прошлом, настоящем и в будущем. Юноши и девушки из неполных семей в зависимости от типа образа реального отца демонстрируют большую либо меньшую идентификацию с идеальными отцами, чем с реальными отцами. В случаях, когда образ реального отца у них является негативным или крайне негативным, позитивный или идеализированный образ идеального отца, скорее всего, компенсирует его, выполняя роль объекта идентификации. Однако в тех случаях, когда образ реального отца является позитивным или крайне позитивным, юноши и девушки отмечают большее сходство с ним, нежели с человеком, воплощающим их представления об идеальном отце.

Описанные результаты и выводы позволяют предположить, что в случае, если образ реального отца является негативным, а образ идеального отца позитивным, при выборе партнера девушки будут в большей степени ориентироваться на образ идеального отца, чем на образ реального отца. У юношей выявленные различия между обоими образами могут быть взаимосвязанными с образом себя в роли отца и в роли партнера. Негативный образ реального отца скорее станет для них объектом обособления, в то время как позитивный образ идеального отца объектом для идентификации. Однако если образ реального отца является позитивным, именно на него будут в первую очередь ориентироваться юноши, осваивая родительскую и супружескую роли. Данные предположения носят гипотетический характер и нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке.

Список использованных источников:

1. Белова О.А. Взаимосвязь образа родителя противоположного пола и представлений об идеальном партнере в подростковом возрасте : гендерный аспект / О.А. Белова, О.В. Цесаренко // Вестник Иркутского ун-та : ежегод. науч-теор. конф. аспирантов и студентов : материалы. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – С. 321–323.
2. Ким Э.Ф. Представления молодых людей о реальных и идеальных родителях / Э.Ф. Ким // Психологическая газета. Профессиональное интернет-издание [Электронный ресурс]. – Дата доступа : <http://www.psy.su/interview/1964>. – Режим доступа : 03.11.2012.
3. Мусаткина В.А. Образ отца в восприятии русских и китайских девушек (на примере учащихся ВГУЭС) / В.А. Мусаткина // Ойкумена. Религиоведческие исследования. – 2010. – №2. – С. 78–87.
4. Павлов И.В. Образ отца в сознании юношей и девушек из неполных и полных семей / И.В. Павлов // Вестник БрГУ. Сер. 3. Филология. Педагогика. Психология. – 2012. – № 1. – С. 186–198.
5. Прилепских О.А. Образ отца как детерминанта развития представлений о будущем супруге у девушек : дис. ... Канд. Психол. Наук : 19.00.13 / О.А. Прилепских. – Ставрополь, 2005. – 199 с.

6. Пудловская Е.М. «Образ отца» как образ идеального мужчины у девушек / Е.М. Пудловская // Наука-2010 : Сборник научных статей. – Гродно, 2010. – Ч.2. – С. 134–136.
7. Франселла Ф. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам / Ф. Франселла, Д. Баннистер. – М. : Прогресс, 1987. – 236 с.

References

1. Belova O.A. Vzaimosvjaz' obraza roditelja protivopolozhnogo pola i predstavlenij ob ideal'nom partnere v podrostkovom vozraste : gendernyj aspekt / O.A. Belova, O.V. Cesarenko // Vestnik Irkutskogo un-ta : ezhegod. nauch-teor. konf. aspirantov i studentov : materialy. – Irkutsk : Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2010. – S. 321–323.
2. Kim Je.F. Predstavlenija molodyh ljudej o real'nyh i ideal'nyh roditeljah / Je.F. Kim // Psihologicheskaja gazeta. Professional'noe internet-izdanie [Jelektronnyj resurs]. – Data dostupa : <http://www.psy.su/interview/1964>. – Rezhim dostupa : 03.11.2012.
3. Musatkina V.A. Obraz otca v vosprijatii russkih i kitajskih devushek (na primere uchashhihsja VGUJeS) / V.A. Musatkina // Ojkumena. Religiovedcheskie issledovanija. – 2010. – №2. – S. 78–87.
4. Pavlov I.V. Obraz otca v soznanii junoshej i devushek iz nepolnyh i polnyh semej / I.V. Pavlov // Vestnik BrGU. Ser. 3. Filologija. Pedagogika. Psihologija. – 2012. – № 1. – S. 186–198.
5. Prilepskih O.A. Obraz otca kak determinanta razvitija predstavlenij o budushhem supruge u devushek : dis. ... Kand. Psihol. Nauk : 19.00.13 / O.A. Prilepskih. – Stavropol', 2005. – 199 s.
6. Pudlovskaja E.M. «Образ отца» как образ идеального мужчiny u devushek / E.M. Pudlovskaja // Nauka-2010 : Sbornik nauchnyh statej. – Grodno, 2010. – Ch.2. – S. 134–136.
7. Fransella F. Novyj metod issledovanija lichnosti: Rukovodstvo po repertuarnym lichnostnym metodikam / F. Fransella, D. Bannister. – M. : Progress, 1987. – 236 s.

Резюме. У статті описані результати вивчення способу реального батька і образу ідеального батька в якості об'єктів для ідентифікації у юнаків і дівчат з повних і неповних сімей. Виявлено, що афективні характеристики образу реального батька у юнаків і дівчат з різних типів сімей відрізняються. Показано, що в обох типах сімей образ ідеального батька є більш позитивним, ніж образ реального батька, проте не за рахунок ідеалізації першого, а за рахунок більш критичного сприйняття юнаками і дівчатами другого. Виявлено, що юнаки та дівчата з неповних і повних сімей демонструють велику ідентифікацію з позитивним чином реального батька, ніж з негативним або амбівалентним чином реального батька. При цьому образ ідеального батька може компенсувати негативний образ реального батька, виступаючи більш важливим об'єктом для ідентифікації.

Ключові слова: образ батька, образ ідеального батька, образ Я, ідентифікація.

Summary. This article describe some studies about the father-image and include own research about this problem. The analysis of scientific literature has shown that the father-image is important for development of young men and girls. The results of studying of the image of the real father and image of the ideal father of young people from one- and two-parent families are described. An attempt to introduce an empirical typology of the real and ideal father-image (very positive, positive, ambivalent, negative and very negative) based on the generalization of the subjective estimates of the respondents was revealed by means of Construct Repertory Test by Kelly. It is proved that girls from one-parent families are more often than others have a negative image of the real father. The positive father-image and a positive image of the ideal father are objects for identification for young people from one- and two-parent families. The negative image of the real father isn't object for identification. With an ambivalent father-image identification at young men and girls isn't revealed.

Such father-image includes identical number of positive and negative qualities. The positive image of the ideal father can compensate a negative or ambivalent father-image at young men and girls from one- and two-parent families. Sources of formation of an father-image in youthful age need new research.

Key words: father-image, image of the ideal father, Self-image, identification.

УДК 159. 944. 4 + [159. 922 : 613]

Ю.І. ПИЛИПАКА, В.Л. РОМАНЮК

СТРЕС ЯК ЗАГАЛЬНИЙ АДАПТАЦІЙНИЙ СИНДРОМ ТА ПСИХІЧНЕ ЗДОРОВ'Я ОСОБИСТОСТІ

У статті на основі теоретичних досліджень розкриті функціональні зв'язки стресу як загального адаптаційного синдрому та складових психічного здоров'я особистості. Розроблена психофізіологічна модель стрес-стійкості з відповідними рівнями (екологічний, соціальний, клінічний, емоційний, мотиваційний, когнітивний, поведінковий).

Ключові слова: стрес як загальний адаптаційний синдром, функціональна модель стрес-стійкості, психічне здоров'я, особистість.

Постановка проблеми. Фахівці ВООЗ, враховуючи біо-психо-соціальну сутність людини як виду *Homo sapiens*, визначають здоров'я як стан повного фізичного, психічного і соціального благополуччя, а не тільки відсутність хвороб або фізичних вад. Критерії (показники) здоров'я людини як біо-психо-соціального феномену мають кількісну і якісну характеристику, а також суттєві взаємозв'язки та вимагають відповідних міждисциплінарних досліджень. Особливої уваги заслуговують дослідження щодо функціональних зв'язків стресу як загального адаптаційного синдрому та психічного здоров'я особистості, що і було основною метою статті. При цьому проблема стресу та його ймовірних клінічних наслідків для фізичного, психічного і соціального здоров'я особистості значно зростає в умовах глобалізації, загострення економічних і політичних відносин у суспільстві, під час релігійних і воєнних конфліктів тощо.

Результати теоретичного дослідження. Вітчизняні фахівці визначають психічне здоров'я як «стан душевного благополуччя людини, що характеризується відсутністю хворобливих психічних проявів та можливістю свідомого регулювання поведінки і діяльності» [1]. Зміст поняття «психічне здоров'я» не вичерпується лише медичними і психологічними критеріями, а охоплює й ті соціальні норми, які регламентують життя людини. Нормальне психічне здоров'я людини передбачає відповідність суб'єктивних образів відображуваним об'єктам, відповідний до віку рівень розвитку інтелектуальної, емоційної і вольової сфер, розвинену адаптивність, здатність до розумового планування життєвих цілей та забезпечення належної активності для їх досягнення. Розкриваючи зміст поняття «психічне здоров'я», ВООЗ виокремлює сім його компонентів: 1) усвідомлення постійності та ідентичності свого фізичного і психічного «Я»; 2) постійність і однаковість переживань в однотипних ситуаціях; 3) критичне ставлення до себе та своєї діяльності; 4) адекватність психічних реакцій впливу середовища; 5) здатність керувати своєю поведінкою відповідно до встановлених норм; 6) планування власної життєдіяльності та реалізація її; 7) здатність змінювати свою поведінку залежно від зміни життєвих обставин» [1].

Окрім того, здоров'я на психічному рівні включає в себе наступні компоненти: емоційний – здатність адекватно виражати почуття та емоції в різних життєвих ситуаціях; інтелектуальний – процес вилучення і засвоєння інформації, уміння опрацювати і застосовувати інформацію у відповідності з отримуваними знаннями; особистісний – процес усвідомлення себе як особистості («Я» і «не-Я»), якій притаманне самовідчуття, самооцінка, самопізнання, самореалізація. Одним з критеріїв психічного здоров'я є феномен психічної рівноваги, що включає оптимальну взаємодію різних сфер особистості – емоційної, вольової,